

RU

Воплощение социально-исторической панорамы в романе П. Д. Боборыкина «Китай-город»: синтез художественного и публицистического

Юсяев А. С.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению романа П. Д. Боборыкина как заметного представителя отечественного натурализма второй половины XIX века, не только оставившего обширное художественное наследие, но и являвшегося видным теоретиком и исследователем литературного процесса. Цель исследования заключается в вычленении стилистических и концептуальных особенностей «Китай-города» – программного романа П. Д. Боборыкина. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые выявлены основные идейные положения историко-литературной концепции писателя, пути их воплощения в художественном тексте. В результате исследования установлено, что теоретические взгляды П. Д. Боборыкина на поэтику натуралистического романа определили большую роль документализма и публицистичности в его повествовательной ткани. Сумев органично объединить художественные и публицистические элементы в романе «Китай-город», писатель намеренно ослабил роль сюжетных и композиционных приёмов, характерных для традиционного реалистического романа, добившись при этом убедительного и масштабного отображения повседневной жизни в различных её проявлениях. Трансформируясь и адаптируясь к различным жанровым формам, подобная писательская манера в дальнейшем продемонстрировала очевидную устойчивость и универсальность, воплотившись в бытописательных произведениях более поздних авторов.

EN

The embodiment of the socio-historical panorama in P. D. Boborykin's novel "Kitay-gorod": a synthesis of the artistic and the publicistic

A. S. Yusyaev

Abstract. The article is dedicated to the interpretation of a novel by P. D. Boborykin as a notable representative of Russian naturalism in the second half of the 19th century, who not only left an extensive artistic legacy but was also a prominent theorist and researcher of the literary process. The aim of the study is to examine the stylistic and conceptual features of "Kitay-gorod" – P. D. Boborykin's programmatic novel. The scientific originality of the research is determined by the fact that for the first time, both the main ideological tenets of the writer's historical and literary concept and the ways of their embodiment in the artistic text are considered. As a result of the study, it has been established that P. D. Boborykin's theoretical views on the poetics of the naturalist novel determined a significant role for documentary and journalistic elements in its narrative fabric. Having managed to organically combine artistic and journalistic elements in the novel "Kitay-gorod", the writer intentionally weakened the role of plot and compositional devices characteristic of the traditional realist novel, while achieving a convincing and large-scale depiction of everyday life in its various manifestations. Transforming and adapting to different genre forms, this writing style subsequently demonstrated obvious stability and universality, finding its embodiment in the genre of everyday life descriptions by later authors.

Введение

Натурализм в своём функционировании предстаёт как живая многообразная система, которая способна развиваться, меняться, демонстрировать универсальный подход к литературному процессу. Сторонниками натурализма был разработан ряд характерных приёмов, которые обогатили русскую литературу, в частности

её реалистическую традицию. Натурализм в его литературном, художественном понимании может считаться вполне заслуживающим внимания явлением. Ряд его особенностей может и должен быть рассмотрен именно в контексте анализа натурализма как некоей самостоятельной общности, своего рода содержательной интенции, которая, протянувшись во времени, находила свое проявление во множестве произведений, у многих авторов и в совершенно разных исторических условиях. Целостное осмысление натурализма, выявление его места и роли в литературном процессе обуславливает актуальность данного исследования для современной науки о литературе, акцентирующей сегодня внимание на изучении традиций, специфике развития литературного движения на фоне эпохи.

Материалом для исследования послужил монографический труд П. Д. Боборыкина «Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века», а также один из наиболее известных его натуралистических романов «Китай-город».

В ходе исследования необходимо было решить следующие задачи:

- выявить ряд особенностей творческого метода П. Д. Боборыкина, теоретически обозначенных им в монографическом труде «Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века» и нашедших воплощение в концепции «реального» романа;
- обозначить некоторые характерные черты натуралистической поэтики, определяющей жанрово-стилевое своеобразие произведений писателей-натуралистов;
- проанализировать роль бытописательных фрагментов в романе «Китай-город» и их соотносённость с историческим контекстом;
- указать на элементы публицистичности в отображении социально-исторической панорамы романа «Китай-город» и способы их органичного включения в ткань художественного произведения.

Ключевыми методами явились сравнительно-исторический, позволивший осмыслить творчество Боборыкина в контексте натурализма, а также метод целостного анализа, благодаря которому «Китай-город» Боборыкина был рассмотрен как синтез романного и публицистического начал.

Теоретическую базу исследования составили работы историков отечественной литературы, посвящённые натурализму, прежде всего своеобразие его воплощения на «русской» почве (Вихорева, 2006; Катаев, 2001; Кулешов, 2017; Лотман, 1998; Иезуитова, 1984; Щенников, 1992). Специфика исследования потребовала обращения к ключевым в отечественном литературоведении монографиям и статьям о специфике художественного метода и особенностей поэтики П. Д. Боборыкина (Чупринин, 1979; Щеблыкин, 2002; Дербенёва, 2012; 2025), а также ряду работ, посвящённых истории московского дворянства и купечества (Бойко, 2018; Брянецев, 1999; Бурьшкин, 1991).

Практическая значимость работы заключается в возможности осмысления ряда специфических особенностей натуралистического романа. Полученные результаты могут быть использованы в курсах истории отечественной литературы рубежа XIX-XX веков на филологических факультетах университетов и педагогических вузов, при подготовке курсов по выбору, посвящённых истории отечественной литературы конца XIX – начала XX в., а также творчеству П. Д. Боборыкина.

Обсуждение и результаты

Пётр Дмитриевич Боборыкин (1836-1921) – русский писатель-натуралист, который не только проявил себя плодовитым беллетристом, но также оставил обширное наследие в литературно-критической, теоретической сферах. Его монография «Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века» заслуживает в этом аспекте особого внимания, поскольку в ней он сформулировал основные доминанты поэтики натурализма, проследил его генезис в зарубежной литературе и трансформацию на русской почве. Итогом стало выведение целого ряда художественных принципов, воплотившихся в его собственных литературных работах, среди которых наибольшую известность получил роман «Китай-город». Рассматривая его с позиций применимости теоретических концепций натурализма, мы стремимся продемонстрировать базовые модели, набор ключевых структурных признаков, которые формируют натурализм как целостное явление.

Говоря о русском натурализме, Боборыкин отталкивается от факта преемственности, учёта опыта европейских писателей, упоминая Золя, Мопассана, братьев Гонкур и др., которые предлагали отображать действительность в её первозданном беспримесном виде и переместили на ведущие позиции своих произведений не персонажа в среде, как то было в классических реалистических романах, а среду вокруг персонажа. Ими были привнесены и введены в широкий литературный спектр такие приемы, как детализированность описаний, подчёркнутое внимание к быту, избегание какой-либо субъективности и примат биологической составляющей человека над его психологической и духовной жизнью. Первичной становилась социальная роль человека, способы его функционирования в обществе.

В некотором смысле, отмечает Боборыкин, это переключается с процессами в русской литературе, однако в отечественной словесности были свои устойчивые традиции, которые ведут начало ещё от Гоголя и Беллинского, и, соответственно, русский натурализм уже на основании этого может считаться явлением во многом оригинальным и самобытным (Боборыкин, 1900). Кроме того, сама действительность, становящаяся центрообразующим элементом натуралистического произведения, в России была, безусловно, иная. Социально-исторический, экономический и политический контекст, который ложится в основу натуралистического произведения, также существенно отличается от европейского.

В качестве одной из ведущих отличительных черт натурализма Боборыкин называет «фантазию», под которой парадоксальным образом подразумевает не вымысел, а писательскую широту взглядов, умение литератора проникнуть в самые разные стороны жизни, наполниться впечатлениями от этой жизни и художественно перенести их на бумагу. Обосновывая теоретическую концепцию натурализма, Боборыкин особое внимание уделяет жанровой специфике, считая её основополагающей в вопросах развития литературного процесса. В этой связи он выделяет два вида романа, в одном из которых главную роль играет герой (персонаж, личность), его судьба, его жизнь, его поступки. В другом же на ведущие позиции перемещается социологическая составляющая, исторический контекст эпохи, среда. Герой как таковой выносится на периферию повествовательной схемы. Более заметным фактором становится совокупность персонажей, которые и формируют облик этой отображаемой среды.

В этой связи особую важность представляет концепция «реального романа». Сразу оговоримся, что, несмотря на то что мы называем Боборыкина одним из теоретиков отечественного натурализма, сам по себе термин «натурализм» он использует в несколько ином контексте, относя его больше к западной европейской традиции. Применительно к русской литературе он предлагает, скорее, иную трактовку реалистического искусства, которая, впрочем, вполне отвечает основным характеристикам натурализма.

Говоря об основных чертах «реального» романа, который можно считать прообразом или даже версией романа натуралистического, Боборыкин приходит к выводу, что в современную ему эпоху литературные методы и приёмы, которые предполагали описание любовных переживаний и перипетий отдельной личности, уходят в прошлое. Прежняя трактовка термина «реализм» уже не в полной мере соответствует современным литературным тенденциям. В силу излишней обобщенности её наполнение переросло границы прежнего понимания реализма, и в этой связи Боборыкин предлагает свой взгляд на художественное воплощение реалистического искусства, утверждая, что «принцип точного исследования сделался обязательным для всякой литературной работы, претендующей на художественную правду» (1900, с. 98). Что такое художественная правда, по мысли Боборыкина? Это, по большому счёту, краеугольный камень, на котором основывается настоящее мастерство писателя. Способность изображать жизнь во всей её полноте Боборыкин считает одним из самых важных и необходимых умений, где талант литератора проявляется наиболее ярко. Жизнь являет собой вполне самодостаточный и богатый материал, воспринимая и анализируя который автор может практически полностью избежать какой-либо дополнительной обработки. «Сопряжение документального и художественного начал раскрывает новые возможности искусства слова, когда “необработанный”, “живой” материал входит в соприкосновение с эстетикой литературного творчества, а жизненная достоверность переплетается с художественным миром» (Дербенёва, 2012, с. 121).

В своем теоретическом труде Боборыкин проводит последовательное сопоставление развития реалистического искусства в России и на Западе и, при безусловном сходстве и взаимовлиянии натуралистических тенденций в отечественной и, прежде всего, французской словесности, делает вывод, что достижения русской литературы на ниве натурализма заключаются в обогащении жанров, богатой культурно-исторической традиции, а также в способах её отображения и художественного осмысления. Своеобразие русской литературы применительно к изображению действительности заключается и в том, что она добилась достаточно большого прогресса на стилевом уровне путём его сближения с публицистичностью.

Отчётливо увидеть практическую реализацию вышеобозначенных концепций Боборыкина позволяет его роман «Китай-город». Стоит сразу отметить, что сам выбор темы и подход к её раскрытию в такого рода произведениях играет куда более значимую роль чем в традиционном реалистическом искусстве, причём именно в силу ослабленности прочих элементов организации и структуры художественного произведения. Боборыкин осуществляет рецепцию московской тематики в социально-экономическом ракурсе. Отмечая масштабные политические и экономические процессы, он осознает, что происходит коренная смена активной движущей силы российского общества, и показывает это на примере московского дворянского и купеческого сословия.

В этой связи на первый план выходит не география города, не физическое пространство, а, скорее, экономическая составляющая, социальная, то есть жители города, их быт, нравы, деятельность – всё то, из чего складывается дух эпохи в рамках конкретного места. С одной стороны, это позволяет отобразить движение экономики и социально-политических процессов в государстве в целом, с другой – формирует тот самый облик среды, масштабное отображение которой находится в основе натуралистической концепции Боборыкина. Основные аспекты, которые Боборыкин намечает в плане раскрытия московской тематики, заключаются в последовательном и широко-масштабном отображении различных сословий, социальных групп: от рабочих, разночинцев до купцов первой гильдии, родовитых дворян и высокопоставленных чиновников.

Считая Москву центром России как минимум в экономическом ракурсе, Боборыкин видит особую важность в том, чтобы именно на примере старой столицы показать ключевые процессы, формирующиеся в российском обществе 70-80 гг. Он определяет Москву в качестве ключевой точки российской экономической активности, которая способна достаточно скоро перешагнуть свои географические пределы, став главной движущей силой российской производительности, воплотившей все передовые достижения русского характера и энергию активных капиталистических сил. По мнению Боборыкина, именно Москва в дальнейшем должна стать если не официальной, политической, то экономической столицей России.

Китай-город – это торгово-экономический район Москвы, и даже на примере выбора такой конкретной локации видна фрагментарность натурализма, которая репрезентируется в повествовательной ткани романа Боборыкина. В его теории любой реальный роман – это фрагмент действительности сам по себе. Однако при таком подходе переносимая действительность не может быть детально описана целиком в силу своей огромной масштабности, поэтому «Китай-город» – это своего рода «фрагмент фрагмента» действительности.

Ищущий взгляд писателя-натуралиста с репортёрской цепкостью движется по социальным, экономическим, бытовым, политическим и иным явлениям, попеременно охватывая и перемещая в свой фокус то один, то другой сегмент реальности. Детализация в этой связи становится настолько велика, что даже для полноценного объёмного романа достаточно пристального изучения конкретного и сравнительно небольшого территориально ограниченного участка городской жизни.

Иными словами, если мы говорим о последовательном воплощении концепции натурализма, в ходе которой автор следует за перемещениями героя, ему не нужна вся Москва для создания масштабного полотна эпохи. Читатель вполне успешно проецирует изображённую жизнь Китай-города на жизнь Москвы, а жизнь Москвы – на жизнь России. И в дальнейшем, если выйти уже за рамки конкретного художественного произведения и обратиться вновь к общим размышлениям Боборыкина, то жизнь России едва ли стоит мыслить в отрыве от общемировых социально-экономических тенденций.

Писатель-натуралист, намеревающийся художественно зафиксировать действительность во всей полноте, вынужден для этой цели сегментировать её на составляющие элементы как минимум по хронологическому или географическому принципу. «Стремление в этой связи охватить целостность всех регистров человеческого существования в модернизирующемся обществе изначально утопично» (Грякалова, 2008, с. 48). В рамках отдельно взятого, пусть даже весьма объёмного романа, при последовательном, детальном и документалистически точном отображении можно перенести на страницы лишь весьма ограниченный фрагмент этой действительности. В этой связи логичным представляется предположение, что автор-натуралист должен обладать незаурядной и весьма конкретной «специализацией», так как, скажем, отображение городской среды требует глубокого знания и понимания городских традиций, законов, специфики взаимоотношений социальных групп, чья роль представляется особо значимой. Причём речь здесь идёт не о знании города вообще, а о знании конкретного города и, разумеется, перенося на страницы своего произведения живой и художественно яркий образ Москвы, автор будет делать это иначе, чем натуралистически отображая Петербург.

Во время работы над романом «Китай-город» Боборыкин преследовал ключевую цель, определившую структуру и логику его повествования: наиболее широко обозначить эволюцию экономических приоритетов пореформенной России и связанное с этим перераспределение социальных ролей дворянства и купечества. Неудивительно, что наиболее широко в его романе представлены именно дворяне и купцы, а связующую роль выполняет центральный образ Андрея Дмитриевича Палтусова, который в этом смысле занимает промежуточное положение. Многочисленные зарисовки характеров персонажей, переключения между эпизодами, смена локаций позволяют Боборыкину создать масштабное полотно московской жизни. «В этом плане отдельно взятые персонажи, даже столь важные для композиционной организации текста, как Палтусов, не играют ключевой роли в замысле Боборыкина. Они важны как совокупность характеров – пёстрых, неоднородных, неидеальных, – которые включены в созидательный процесс практической деятельности, по сути, формируя его и обуславливая перспективы дальнейшего развития» (Юсаяев, 2014, с. 156). В отсутствие общепринятой типизации, характерной для традиционного реалистического искусства, особенно для произведений критического реализма, Боборыкин стремится представить сословия в как можно большем количественном масштабе, и поэтому образная система «Китай-города» населена огромным количеством действующих лиц.

Будучи торговым центром купеческой Москвы, Китай-город, по мнению Боборыкина, быстрее и нагляднее всего движется к европейским стандартам успеха, и капиталистические традиции Запада находят здесь вполне конкретное воплощение. Подобная же концепция прослеживается и в других романах Боборыкина. Так, «Дельцы» повествуют о всё более нарастающем противостоянии старого купечества, так называемых «Тит Титычей», чьи ярких представителей мы встречаем в раннем творчестве Островского, с нарождающимся поколением новых капиталистов, чей образ жизни, внешность, быт и манера вести дела не совпадают с устаревающими корпоративными критериями сословного поведения. В романе «Василий Тёркин» центральный персонаж, купец, выходец из народной среды, также стремится вести дела по-новому и считает себя не только прогрессивным человеком, но и носителем общенациональных интересов, который «хочет дать полный ход всему, что в нём кроется ценного на потребу родным угодым и тому же трудовому обездоленному люду» (Боборыкин, 1993, т. 3, с. 123).

Купцы в романе – это вполне определённая и набравшая большой вес экономическая сила. Представлен целый ряд купеческих родов, которые осуществляют торговую, промышленную и финансовую деятельность и уже смогли накопить огромные материальные активы. Отказываясь от идеализации, Боборыкин показывает как успешных, благородных, умных, знающих, при этом честных и щедрых купцов (к числу которых относится, например, Вадим Павлович Осетров), так и непутевых нуворишей, прожигателей жизни, которые проматывают свои капиталы столь же быстро, как и приобрели их. Эта тенденция также в полной мере детерминирована реалиями эпохи: «До конца XIX в. большинство купеческих фирм и отдельных капиталов возвышалось и падало в течение двух-трех поколений из-за частых банкротств, неблагоприятных условий предпринимательства и расточительства потомков разбогатевших купцов» (Бойко, 2018, с. 108). Тот вектор устойчивого торгово-промышленного развития, который обозначает Боборыкин, вовсе не предполагает, что все, кто включён в активную экономическую жизнь России описываемого периода, являются достойными представителями капиталистической модели будущего. А модель эта, по мысли Боборыкина, важна именно как результат наметившегося общего процесса и тех социальных смещений, сдвигов, которые дают возможность умным и предприимчивым людям добиться своих целей и тем самым сформировать новый облик развитой, самодостаточной, экономически и промышленно активной России.

При этом в самом процессе обогащения, добывания денег и умения ими распоряжаться Боборыкин ничего предосудительного не видит. Особенно если этот процесс сопряжен с развитием личности как таковой и облагораживанием, улучшением быта и состоянием общества. В этом смысле Боборыкин оказывается более последовательным в следовании натуралистическим канонам объективности, чем многие авторы того же периода. Так, говоря о зolaистских традициях в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. Н. Вихорева указывает, что его беллетристика «грешит против беспристрастности выпадами в адрес капиталистов» (2006, с. 44).

Представители дворянства также играют в романе заметную роль, но предстают уже силой куда менее политически и экономически активной, чем это было несколько десятилетий назад. История упадка семейств, а также утраты общественного авторитета пусть проявлена ещё не так определённо, ещё не приобрела всеобъемлющего характера, но тем не менее черты этого процесса обозначены уже довольно конкретными и узнаваемыми штрихами.

Собственно, одно из ключевых отличий между дворянством и купечеством в этой связи кроется в восприятии предпринимательства, восприятии концепта денег в их картине мира. Для многих представителей дворянства, особенно потомственного, деньги – это не результат труда, не результат успешной торговли или промышленности, не продукт производящей деятельности. Иными словами, это не тот ресурс, за который следует бороться, который необходимо добывать. Для дворянства деньги – это неотъемлемый, само собой разумеющийся атрибут жизни, который был всегда. Поэтому зачастую они так легко с ними расстаются и в целом относятся к ним гораздо легкомысленнее, чем следовало бы в новых реалиях. Особенно на фоне того, что «комплекс основных купеческих ценностей формировался вокруг доминирующего желания как сохранить и приумножить свою собственность в виде недвижимости, капиталов и других средств хозяйственного производства» (Брянцев, 1999, с. 7).

Когда реформы 60-х годов пошатнули естественный до этого ход событий в их понимании и деньги стали уходить (а точнее, перестали поступать), многочисленные дворянские семейства оказались к этому не готовы. Прежний уклад жизни в комплексе тех обычаев и правил, которые сложились за столетия, оказался уже невозможным, а чтобы жить по-новому, необходимо было перестроить или хотя бы сохранить материальную основу того благополучия, на котором прежде базировалась утончённая, благородная и безусловно эстетичная дворянская жизнь в традиционном её понимании.

Роман Боборыкина декларирует знаковый для своего времени общественный процесс, который осуществляется во взаимодействии различных социальных сил в пореформенный период, когда купечество приобретает всё большее значение – не только финансовое, но и общественно-политическое – и из просто торговцев, накопителей, «денежных мешков» превращается во вполне самостоятельную, активную в плане общественной жизни страту с несомненной включённостью в культурную и образовательную жизнь. Отмечая эти процессы и осознавая их нарастающую значимость, Боборыкин даёт понять, что они неостановимы и в дальнейшем будут только набирать обороты. Однако каких-то очевидных минусов в этом он не отмечает, более того – полагает, что дворяне в обновившихся социально-экономических условиях должны последовать в этом порыве за купечеством и именно во взаимодействии активной части дворянства с интеллигенцией, с буржуазией, с яркими представителями народа и формируется залог успешного будущего России.

Подробнее остановившись на образе Палтусова, укажем, что Андрей Дмитриевич в этом смысле несколько отличается от представителей своего сословия, но никоим образом не стоит на этом основании считать его уникальным. Да, он осознает определённую деградацию дворянства, его всё большее отставание в финансовом плане не только от купечества, но и в целом от общественного экономического прогресса. Дворянство слишком держится за прошлое, слишком привязано к своим однотипным и во многом устаревшим понятиям о жизни. Применительно к этическим и эстетическим категориям это вполне может считаться плюсом, особенно если речь идёт о благородстве, храбрости, патриотизме, стремлении к саморазвитию. Однако Палтусов прагматично признаёт, что в условиях новой России успешному человеку необходимы и другие качества, прежде всего финансовая грамотность, предпринимательская жилка и умение распоряжаться капиталом.

Палтусов стремится доказать, что активный, умный и предприимчивый представитель дворянства может встроиться в экономическую жизнь Москвы. Он осознает, что возврата к прежнему уже не будет и придерживающееся консервативных взглядов дворянство рискует в массе своей окончательно сойти с общественно-политической арены. Россия меняется, и те, кто упорно цепляется за прошлое, оказываются за бортом новой жизни. Не желая себе такой судьбы, Палтусов пытается «учиться у купцов и сесть на их место» (Боборыкин, 1993, т. 2, с. 98).

Однако Палтусов при всём оптимизме и даже некоторой авторской симпатии, которая угадывается в отношении к нему, не лишен набора недостатков. Ещё не начав дела, он умудряется попасть в долговую тюрьму, ему присущи некоторая бесшабашность, авантюризм, упование на удачу, на случай. Он любит иногда рискнуть, но рискнуть не как знающей дело купец, принимающий взвешенные решения, не как профессионал. Он подспудно верит в судьбу как некоего всемогущего дарителя, который обязан вознаградить его просто за то, что он попробовал проявить себя на новом поприще.

Кроме того, Палтусову не чуждо своего рода высокомерие, основанное на принадлежности к дворянскому сословию. Он отлично понимает, что купцы в плане финансовой деятельности более успешны, более активны, более богаты, а многие представители купечества уже как минимум не менее образованны – и всё же Палтусов считает себя выше их, а внесловное взаимодействие в процессе практической экономической деятельности для него является некой абстракцией. «Ему это нужно не только для заработка, но и для противопоставления себя, дворянина, торжествующему по всем линиям купцу» (Бурышкин, 1991, с. 59). Сотрудничество с купечеством он воспринимает как явление вынужденное, некую временную меру, которая необходима лишь для того, чтобы остановить распад и оскудение дворянства.

Заметно, что даже наиболее прогрессивные и экономически активные представители дворянства чувствуют себя всё ещё обособленной и во многом замкнутой кастой. В этом, по мысли Боборыкина, заключается их слабость, в том числе этим они уступают купцам, которые, напротив, активно вбирают в себя самые новые тенденции как в социальном-экономическом, так и в культурном плане, становясь всё более влиятельным сословием.

Бытописательная и культурно-историческая составляющие романа также играют заметную роль при рассмотрении взаимодействия художественной и публицистической составляющих в рамках натуралистического произведения. Сам по себе быт как уклад повседневности и некая совокупность отношений, связей и материальных потребностей человека, как правило, предстает, скорее, либо в виде некой характеризующей черты персонажа, либо даже в более широком контексте он характеризует среду, эпоху. Если рассматривать произведения Боборыкина в этом ракурсе, то становится особенно заметным, что огромная роль, отводимая дворянству и купечеству и во многом формирующая эстетику романа «Китай-город», базируется на конкретном отображении материального, вещного мира, окружающего персонажей. Это не просто фон, но вполне конкретное подтверждение общего замысла романа, поскольку доказывает и воплощает на практике созидательные силы, формирующиеся в новом обществе. «Речь идёт в данном случае не о «дагерротипности», а об адекватности изображённого изображаемому, в чём также... можно и должно видеть прерогативу подлинно творческого воспроизведения действительности» (Щеблыкин, 2002, с. 98). Поэтому описания и бытовые зарисовки – очень точные, репортёрски цепкие – в романе Боборыкина важны не только как картины настоящего, но и как зарисовки и обещание перспектив будущего.

Безусловно, они формируют атмосферу Москвы, художественно отображают процессы, в ней протекающие, и предстают в виде как уличных городских пейзажей, так и описаний купеческих интерьеров, портретов персонажей, зарисовок рынков, театров, торговых павильонов, фабрик и т. д. Всё это может показаться описанием в большей степени механистическим, нацеленным на подачу фактографического материала в публицистическом ключе и содержащим едва ли не новостной подтекст, однако подобные зарисовки Боборыкин всегда реализует в художественном контексте, весьма уместно выбирая эпизоды для их представления. В плане характеристики эпохи, таким образом, бытовая линия в романе «Китай-город» не только служит для более глубокого раскрытия общественно-политических и экономических процессов, но и временами более глубоко характеризует персонажей. Разумеется, персонаж, актёр, оказывает прямое влияние на среду, окружающую его, однако и среда, в которой он функционирует, может многое сказать о человеке.

Большое внимание, обращённое на бытовую составляющую, связано, в первую очередь, с концептуальными особенностями натурализма. Как справедливо замечает Л. В. Дербенёва: «“Реальный”, “объективный” роман может обращаться и к социальной тематике, однако “объективный” художник не проповедует те или иные идеи, а выходит на социальную проблематику через изображение быта и бытового поведения персонажей романа, т. е. автор создаёт максимально достоверный “контекст”, отказываясь от какой бы то ни было тенденции» (2025, с. 13). Своеобразие бытовых зарисовок в русле общих проблемных характеристик повествования заключается в том, что в отсутствие сюжетной динамики и общей фрагментарности повествования, отсутствие кульминации, конфликта и прочих традиционных элементов романной поэтики они становятся самостоятельными единицами не только в дескриптивном, но и в нарративном ракурсе, поскольку свидетельствуют об общественных процессах подчас сами по себе.

Кроме того, стоит сказать о богатом историческом контексте произведения и репрезентации целого ряда фактологических реалий. Это тоже не в последнюю очередь характерно для публицистики, поскольку является основным источником материала, но в «Китай-городе» имеет едва ли не ключевое значение, поскольку в обозначенном документалистическом дискурсе служит приданию достоверности, историчности и более чёткому разграничению границ описываемой исторической эпохи.

Всё повествование романа Боборыкина «Китай-город» целиком строится на документалистике, так или иначе отсылается к реальным событиям и реальным людям. Именно это служит фактологической и структурной основой для повествования, которая в дальнейшем заполняется конкретными бытописательными зарисовками. Пёстрая и многоликая картина дворянского, купеческого и чиновничьего быта в «Китай-городе» формируется с привязкой к конкретным местам, датам и событиям. Неслучайно Боборыкин ещё до Гиляровского получил почётный титул московского летописца. Его стремление запечатлеть облик времени и угадать перспективы грядущих эпох едва ли могло бы быть осуществлено без включения в роман исторически значимых реалий. «Китай-город» разворачивает перед читателем подробную карту известных и значимых мест Москвы, к числу которых относятся Славянский базар, Эрмитаж, церкви, гостиницы, площади, трактиры, музеи и т. д. При этом, выписывая исторический контекст, Боборыкин подходит к нему прежде всего как писатель, а уже затем как социолог или публицист; «Залы – в два света, под белый мрамор, с темно-красными диванами. Уже отслужили молебен. Половые и мальчишки в туго выглаженных рубашках с малиновыми кушаками празднично суетились и справляли торжество открытия... Чугунная лестница, усталая коврами, поднимается вверх в “нумера”, ожидавшие уже своей особой публики. Вешалки обширной швейцарской – со служителями в сибирках и высоких сапогах – покрывались верхним платьем. Стоящий при входе малый то и дело дергал за ручки. Шел все больше купец. А потом стали подъезжать и господа... У всех лица сияли... Справлялось чисто московское торжество» (Боборыкин, 1993, т. 2, с. 117).

С известной долей осторожности можно предположить, что натуралистические произведения занимают промежуточное положение между так называемой высокой литературой и публицистикой. Есть целый ряд особенностей, которые сближают их с публицистическими традициями. К их числу относятся стремление к актуальности, информативность, обращение к широчайшему спектру вопросов, представляющих интерес

для общества и касающихся политической, экономической, моральной, культурной, философской сфер, вопросов повседневного быта и так далее.

В этом смысле натурализм можно было бы назвать своего рода мостом между высокой литературой и публицистикой, но для этого пришлось бы предположить, что литература и публицистика находится на двух противоположных берегах, а это, видимо, не совсем так. Скорее, натурализм – это рука, протянутая от литературы к публицистике, то взаимообогащение, которое, начавшись в XIX в, осуществляется вплоть до наших дней. И даже если оценивать натурализм прежде всего как авангардное для своего времени течение, как посягательство на традиционные устои реалистической поэтики и жанра романа как такового – даже в этом ракурсе он выглядит достаточно многообещающим объектом для анализа, поскольку зачастую отказ от канонов, их размытие и обращение к тематическим, проблемным, языковым и стилиевым пластам, которые прежде считались недопустимыми, как правило, оказывается благотворным для литературного процесса в целом.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Рассмотрение общей повествовательной структуры романа П. Д. Боборыкина «Китай-город» позволяет увидеть, что публицистические методы и приёмы занимают в них довольно большое место. Проявляется это как на уровне отказа от традиционной романной композиции и снижения роли конфликта и сюжетной динамики, так и в плане точности и социально-исторической обусловленности бытописательных зарисовок.

В отсутствие единого сюжета или конфликта роль скрепляющего, объединяющего компонента берёт на себя узнаваемый социально-исторический контекст, который способен в достаточно полной мере (разумеется, при художественном своем воплощении) передать различные стороны реальности. Ретардация в этой связи становится не просто приёмом, а едва ли не основополагающим принципом натуралистического повествования Боборыкина. Указанная точность, детализированность, даже фотографичность – всё это, безусловно, является одной из доминант натуралистической поэтики, но это не значит, что писатель делает эту доминанту своей самоцелью. Он пытается не просто передать отдельные разрозненные факты, а создать многоуровневый, яркий, колоритный узнаваемый портрет своего времени. Таким образом, исключительность персонажа, исключительность поступка перестают играть какую-либо заметную роль в натуралистическом дискурсе. Вместо этого Боборыкин представляет читательскому восприятию широкие панорамные зарисовки предпринимательской среды, быта московского дворянства и купечества, представителей различных общественных слоёв в их сложном и многоуровневом взаимодействии.

Несмотря на то, что натурализм, как правило, обвиняют в сосредоточении чрезмерного внимания на мрачных и низменных сторонах действительности, это далеко не всегда так. Боборыкин в ряде своих романов, к числу которых относится не только «Китай-город», но и, например, «Дельцы» или «Василий Тёркин», предлагает ряд вполне оптимистичных картин, которые при этом абсолютно не противоречат реальным историческим фактам. Чуткость литератора, который, воспроизводя и сопоставляя факты окружающей жизни, может наметить контуры грядущей эпохи, позволяет Боборыкину исполниться вполне конкретного социально-исторического, экономического оптимизма. Натурализм отличает стремление как можно более полно, точно, детализированно описать среду, действительность, социально-исторический контекст, экономические, политические, финансовые, производственные и другие стороны жизни. Подобные задачи могли быть реализованы путём переосмысления традиционных подходов к сюжетостроению и композиционной структуре произведения, а именно: логика повествования следует за ходом самой жизни; завязки, развязки, кульминации и прочих подобных элементов практически нет; роль конфликта снижена и порой низведена до минимума; идейная обработка осуществляется на самом минимальном уровне, поскольку это, по мысли натуралистов, может быть в читательском восприятии заменено узнаванием и наблюдением за естественным ходом событий.

Художественное отображение актуальных примет времени, разумеется, было бы невозможно без обращения к традициям публицистики, к числу которых относятся точность, фактографичность, репортажность, стремление передать и чутко отреагировать на общественно-политические изменения. Однако публицистические методы и приёмы подвергаются художественному осмыслению, органичному включению в систему ценностей и концептуальную выстроенность натуралистического романа. Это не отдельные заметки «на злобу дня», а гораздо более масштабное, творчески осмысленное полотно эпохи. Для прозаика-натуралиста большую роль играет тщательность в подборе исторических реалий, включаемых в повествовательную ткань произведения. За счёт этого и создается уникальный литературно-публицистический текст, который сочетает в себе художественную силу отображения с публицистической точностью и фактологической значимостью.

К перспективам дальнейшего исследования можно отнести комплексное выявление типологических особенностей русского натурализма, способов их реализации на различных уровнях, а также путей трансформации в произведениях авторов XX и XXI веков.

Материалы исследования | Research materials

1. Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1900.
2. Боборыкин П. Д. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1993. Т. 2-3.

Источники | References

1. Бойко В. П. Теоретические аспекты истории предпринимательства // Вестник Томского государственного педагогического университета. История. 2018. № 52.
2. Брянцев М. В. Культура Русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999.
3. Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М.: Высшая школа, 1991.
4. Вихорева Н. Н. Традиции классического французского натурализма в русской литературе конца XIX – начала XX в. // Мировая литература в контексте культуры. 2006. № 1.
5. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
6. Дербенёва Л. В. Идеиные и литературные константы историко-литературной концепции П. Д. Боборыкина // Восточнославянская филология. Серия «Литературоведение». 2025. № 19 (43).
7. Дербенёва Л. В. Историческая наука о жанровых модификациях литературы XX века // Пушкинские чтения-2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: материалы XVII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 05-06 июня 2012 года. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012.
8. Иезуитова Л. А. Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л.: ЛГУ, 1984.
9. Катаев В. Б. Русская литература рубежа веков. М.: Наследие, 2001.
10. Кулешов В. И. Натурализм: проспект детализированной словарной статьи // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 1.
11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство – СПб, 1998.
12. Чупринин С. И. «Фигуранты» – среда – реальность (к характеристике русского натурализма) // Вопросы литературы. 1979. № 1.
13. Щерблякин С. И. Романы П. Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2002.
14. Щенников Г. К. Русский натурализм и его уроки // Русская литература. 1992. № 2.
15. Юсяев А. С. Произведения П. Д. Боборыкина «Китай-город» и В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» в контексте традиций русского художественного натурализма: дисс. ... к. филол. н. Пенза, 2014.

Информация об авторах | Author information

Юсяев Алексей Сергеевич¹, к. филол. н.

¹ Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва – филиал в г. Пензе

Aleksey Sergejevich Yusyayev¹, PhD

¹ Branch of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov (Penza)

¹ alexej_jusaev@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.12.2025; опубликовано online (published online): 29.01.2026.

Ключевые слова (keywords): история отечественной литературы рубежа XIX-XX веков; русский натурализм; публицистика П. Д. Боборыкина; московская тематика в творчестве П. Д. Боборыкина; синтез художественного и публицистического в прозе П. Д. Боборыкина; history of Russian literature at the turn of the 19th-20th centuries; Russian Naturalism; P. D. Boborykin's journalism; Moscow themes in P. D. Boborykin's works; synthesis of the artistic and the publicistic in P. D. Boborykin's prose.